

чаемое таким образом изменение и есть двадцать, поэтому разумно обозначать названное движение именно этим числом. Число же «тысяча» указывает на движение нарастающее; уже само название, а именно «тысяча», говорит о том самом большом числе, которое невозможно наращивать иначе как умножая его. И только эти три движения и рассматривает Физика, как это доказывается в пятой главе первой ее книги.

Благодаря Млечному Пути это небо очень похоже на Метафизику. Надо помнить, что философы придерживались о Млечном Пути самых различных мнений. Так, пифагорейцы учили, что Солнце несколько раз сбивалось со своего пути и, проходя по местам, не подходящим для его зноя, сжигало то, к чему оно приближалось, и оставляло на небесах подобие ожога. Я же полагаю, что они исходили из мифа о Фаэтоне, рассказанного Овидием в начале второй книги «Метаморфоз». Другие, как Анаксагор и Демокрит, говорили, что Млечный Путь не что иное, как свет Солнца, отражаемый в этом небе, и не раз подтверждали свое мнение разными доказательствами. О том, что говорил Аристотель по этому поводу, толком узнать невозможно, так как его мнения ни в старом, ни в новом переводе не найти. Я думаю, что это ошибка переводчиков, ибо в новом переводе Аристотель как будто говорит, что дело идет о скоплении паров под звездами, которые всегда влекут эти пары за собой; такое мнение, по-видимому, лишено истинного основания. В старом же переводе Философ говорит, что Млечный Путь не что иное, как множество неподвижных звезд, настолько мелких, что различить их мы не можем. От них исходит белое свечение, которое мы называем Млечным; и возможно, что небо в этой своей части плотнее, а потому задерживает и воспроизводит солнечный свет. Это мнение, по-видимому, разделяют с Аристотелем и Авиценна, и Птолемей. Так как Млечный Путь является порождением тех звезд, которых мы не можем видеть и которые познаваемы только через их действия, и так как Метафизика рассуждает о первичных субстанциях, которые мы также не можем познать иначе как через их действия, становится очевидным, что небо звезд имеет большое сходство с Метафизикой.

Заметим также, что под видимым полюсом разумеется чувственно воспринимаемое явление, о котором как о всеобщем рассуждает физика; под невидимым же полюсом разумеются сущности, лишённые материи, которые чувственно невоспринимаемы и о которых рассуждает Метафизика. Вот почему названное небо имеет большое сходство как с той, так и с другой наукой. Отсюда следует, что под двумя движениями разумеются обе эти науки. В самом деле, движение, которое небо звезд ежедневно совершает в своем обращении, всякий раз начиная от одной и той же точки, обозначает подверженные тлению создания природы, которые ежедневно совершают свой путь, а также материю, которая изменяется, переходя из одной формы в другую; о них и рассуждает физика. А через едва воспринимаемое движение, которое небо звезд совершает с запада на восток на один градус в сто лет, обозначаются создания нетленные, сотворенные изначально Богом, им же нет конца – о них и рассуждает Метафизика. Я утверждаю, что под этим движением разумеются нетленные сущности потому, что это круговращение началось, но конца его не видно; в самом деле, конец круговращения есть возвращение в ту же точку, к которой, следуя второму движению, небо звезд никогда не вернется. Ибо от начала мира оно обратилось немногим больше чем на шестую часть; мы находимся уже в предельном возрасте нашего века и с уверенностью ожидаем свершения небесного движения. Итак, очевидно, что небо звезд по многим свойствам может быть уподоблено и Физике и Метафизике.

Кристалльное небо, которое выше было названо Перводвигателем, имеет очевидное сходство с Нравственной Философией; в самом деле, согласно тому, что говорит Фома по поводу второй книги «Этики», Нравственная Философия определяет для нас порядок других наук. Ибо, как пишет Философ в пятой книге «Этики», правосудие определяет изучение наук и повелевает не оставлять уже изученное; не так ли и названное небо своим движением упорядочивает суточное обращение всех остальных, благодаря чему все эти небеса ежедневно получают [и передают] Земле всю совокупность своего воздействия. Если бы обращение Кристалльного неба не упорядочивало движение небес, лишь небольшая часть влияния отдельных небес проникала бы к нам, дольным. Нельзя предположить, что девятое небо неподвижно, так как если бы оно было неподвижно, то третья часть неба звезд была бы сокрыта от наших взоров во всех частях земли и Сатурн был бы в течение четырнадцати с половиною лет невидим в любом месте на земле; Юпитер скрывался бы чуть ли не в течение шести лет; Марс – почти целый год; Солнце – в течение ста восьмидесяти двух дней и четырнадцати часов (я говорю о днях, то есть о количестве времени,